

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ В УКРАИНЕ

Геннадий Аляев

Татьяна Суходуб

Исследуется состояние академической дисциплины «История русской философии» в Украине, а также отношение к русской философии как культурному феномену в украинском научном и образовательном сообществе. Проанализированы основные схемы и принципы истории украинской философии как самостоятельного предмета в контексте проблемы соотношения украинской и русской философий. Рассмотрены трансформации истории русской философии как научной дисциплины в академической сфере Украины, подчеркнута особая роль исследований киевской философской школы. На примере дискуссии о национальной и отечественной философии показаны противоположные идейные установки по вопросу о роли русской философии в Украине в прошлом и настоящем. Показана история Общества русской философии в Украине и его научно-исследовательская, культурно-просветительская, издательская деятельность, направленная на изучение русской философско-культурной традиции в ее взаимодействии с украинской. Сделан вывод, что доминирующей тенденцией является практически полное исключение русской философии из украинского историко-философского процесса, учебного, научно-просветительского дискурса, публичного пространства (что сопровождается частичной «приватизацией» русской философии в качестве украинской). Такое положение, обусловленное политизированной фрагментацией исторической памяти, не только является разрушительным для русской философии в Украине, но чревато искаженным и ограниченным пониманием украинской культуры и философии.

Ключевые слова: русская философия, украинская философия, Общество русской философии в Украине, Киевская философская школа.

© Аляев Г.Е., 2021

© Суходуб Т.Д., 2021

Национальный технический университет «Днепропетровская политехника»

Центр гуманитарного образования
Национальной академии наук Украины

The study focuses on the state of the academic discipline “History of Russian Philosophy” in Ukraine, as well as the relation to Russian philosophy as a cultural phenomenon in Ukrainian academic and educational community. Within the context of correlation of Ukrainian and Russian philosophy, it has been analysed the main schemes and principles of the history of Ukrainian philosophy as an independent subject. The paper considers the transformations of the history of Russian philosophy as an academic discipline in Ukraine, the role of Kiev Philosophical School studies is emphasized. Taking as an example the discussion of national and Ukrainian philosophy, it demonstrates opposite ideological attitudes on the role of Russian philosophy in Ukraine in the past and present. The practice of teaching the history of philosophy in the context of the presence (or marginalization) of Russian philosophy in the disciplines is also analyzed. The article shows the history of the Russian Philosophy Society in Ukraine and its research, cultural, educational, and publishing activities aimed at the study of the Russian philosophical and cultural tradition in its interaction with the Ukrainian. The conclusion is made that the dominant trend is the almost complete exclusion of Russian philosophy from the Ukrainian historical and philosophical process, educational, scientific and educational discourse, public space (which is accompanied by partial “privatization” of Russian philosophy as if it were Ukrainian). This situation, caused by the politicized fragmentation of historical memory, is not only destructive for Russian philosophy in Ukraine, but also fraught with a distorted and limited understanding of Ukrainian culture and philosophy.

Keywords: Russian philosophy, Ukrainian philosophy, Society of Russian Philosophy in Ukraine, Kiev Philosophical School.

<https://doi.org/10.31119/phlog.2021.1.138>

Вступление. Постановка проблемы

В названии предлагаемой статьи есть сознательно заложенная двусмысленность. С одной стороны, оно предполагает ознакомление с состоянием дел в Украине в области научных исследований и образовательных программ, касающихся специальности «История русской философии». Это, можно сказать, академический срез проблемы. С другой стороны, предмет статьи можно (и нужно) понять как историю существования русской философии в Украине, т.е. существования не просто бумажных программ и научных отчетов, а некоего культурного феномена, занимающего определенное место в идейных процессах и вызывающего определенное отношение и оценки. Это, скорее, уже общественно-идейный, а иногда и политический срез данной проблемы. Безусловно, обе эти проблемные плоскости пересекаются, точнее, являются, по сути, одним и тем же проблемным полем, только раскрываемым под разными углами зрения. Можно также предположить, что академическое состояние дисциплины в большей степени зависит от реальной жизни культурного феномена, чем наоборот, хотя не исключено и обратное влияние.

Период конца 80-х – начала 90-х годов XX в. был во многом переломным временем для истории русской философии как науки. Смена идеологической парадигмы, начатая горбачевской «перестройкой», повлекла за собой серьезную переоценку историко-философской традиции: возвращались забытые или запрещенные имена, а вместе с ними и тексты (заметим: составляющие, безусловно, золотой фонд русской философской мысли), другие имена, наоборот, оказывались в забвении или существенно меняли свое место на шкале историко-философских оценок. Эти процессы начались в последние годы существования Советского Союза и интенсивно продолжились уже после его распада, прежде всего в России, для которой проблема объективной интерпретации истории русской философии стала важнейшей частью вопроса национально-государственной самоидентификации. Последнее обстоятельство, между прочим, неизбежно накладывает идеологическую тень на научную объективность, что, впрочем, происходит со *всякой* историей во *всякой* стране постольку, поскольку политическая власть использует историю в государственных (государевых?) интересах. Однако речь сейчас не о России, а об Украине – о том, как сложилась судьба русской философии и ее истории как научной дисциплины в новом независимом государстве со столицей в Киеве, «матери городов русских».

На первом этапе «новый образ» русской философии, складывавшийся из публикаций возвращаемых на родину философов – Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, П.И. Новгородцева, С.Л. Франка и других, вырисовывался прежде всего как образ демократической мысли, раскрывшей в свое время «истоки и смысл русского коммунизма», обозначившей «вехи» на пути идейного развития русской интеллигенции и констатировавшей постреволюционное «крушение кумиров» в ее умах. Этот образ, отражавший, заметим, преимущественно публицистическую или историософскую стороны русской философии, в определенном смысле был созвучен лозунгам национальной демократии, которые провозглашались в только обретающей государственную самостоятельность

Украине. Однако одновременно как идейная аксиома распространялся афоризм, приписываемый то Владимиру Винниченко, то Михаилу Грушевскому, то Симону Петлюре, то еще кому-нибудь, о том, что «российская демократия заканчивается на украинском вопросе»¹. Иными словами, *русская философия* никак не могла претендовать на роль идейного фундамента национально-государственной самоидентификации в *Украине* – такую роль могла сыграть только философия *украинская*.

Украинская философия и «схема» Дм. Чижевского

Здесь следует напомнить, что понятие «украинская философия» возникло в конце XIX – начале XX в., когда были предприняты первые попытки ее исторического обозрения. Работы К. Ганкевича и В. Щурата в этой области, впрочем, оцениваются сегодня как пионерские, но в целом слабые². Общеизвестным основателем разработки этого историко-философского поля стал Дмитрий Иванович Чижевский. В своих книгах, изданных на украинском языке – «Философия на Украине. Опыт историографии вопроса»³ (1926, 2 изд. – 1929; за эту работу ему было присвоено звание профессора Украинского педагогического института им. М. Драгоманова в Праге), «Очерки по истории философии на Украине»⁴ (1931) и «Философия Г.С. Сковороды»⁵ (1934), а также в многочисленных статьях он действительно сформулировал исходную схему и основные принципы разработки истории украинской философии как самостоятельного предмета.

Схема состояла в том, что начало украинской философии возводилось к Киевской Руси, точнее – к принятию христианства. При этом, впрочем, весь период «Старої України» – от XI до XVIII в. – характеризовался скорее как «история *обучения* философии», чем «история философии» [40, с. 28]. Первым самостоятельным мыслителем выступает Сковорода, которому уделяется особое внимание. Далее предметом интереса Чижевского являются: линии влияния немецкого идеализма на украинских философов (что, конечно, пересекается с его известной немецкой диссертацией «Гегель в России»); мировоззренческие идеи представителей Кирилло-Мефодиевского братства (Костомаров, Кулиш, Шевченко, Гулак); еще две персоналии, которые заслужили, как и Сковорода, самостоятельного рассмотрения – Николай Гоголь и Памфил Юркевич; наконец, «философия на службе науки», где были упомянуты А. Потеня, В. Лесевич, А. Спир, К. Ганкевич, М. Туган-Барановский, Б. Кистяковский и некоторые другие. Хотя формат «Очерков», как пояснял сам автор, был вынужденным, поскольку более основательная рукопись вме-

¹ См., напр., статью В. Крыжановского, посла Украины в Москве в то время [37].

² Речь идет о книге филолога Климентия Ганкевича «Основные черты славянской философии», изданной в 1869 г. в Кракове на немецком языке, и небольшой работе поэта-переводчика Василия Щурата «Украинские источники к истории философии», вышедшей в 1908 г. во Львове на украинском языке.

³ «Філософія на Україні. Спроба історіографії питання».

⁴ «Нариси з історії філософії на Україні».

⁵ «Філософія Г.С. Сковороди».

сте с подготовительными материалами была утеряна, тем не менее, «Очерки» Чижевского стали исходной платформой для разработки истории украинской философии уже в независимой Украине, при этом некоторые его идеи, конечно, претерпевают модификацию.

Каким образом решается вопрос о взаимоотношении или разграничении украинской и русской философий и их историй в схеме Чижевского и в ее последующих трансформациях в украинской историографии? Ведь нельзя сразу не заметить, что историко-философский материал, маркируемый как «украинская» или как «русская» философия, в определенной его части совпадает, образуя своеобразное «поле пересечения» предметов двух научных дисциплин.

Подход Чижевского к формированию истории украинской философии формировался на нескольких методологических основаниях. Исходным выступал территориальный принцип – предметом рассмотрения становились те явления и персоналии, которые имели прямое (родились, учились, работали) или хотя бы косвенное (например, иностранцы, работавшие в Украине) отношение к этнической территории Украины, как она выглядела уже в XX в. Этот принцип фактически является основной опорой и современных историков украинской философии, имеющих возможность теперь «обращать в прошлое» существующие государственные границы независимой Украины, которой при Чижевском не было. При этом некоторые из них заходят гораздо дальше вглубь веков, а также как бы восполняют критическое замечание одного рецензента в адрес Чижевского по поводу того, что он недостаточно обратил внимание на «философов-украинцев, которые не проявили выразительно своей связи с Украиной» [35, с. 494], т.е. зачисляют в украинские философы всех родившихся в Украине, даже если они в своей сознательной творческой жизни как субъективно, так и объективно принадлежали иным национальным традициям.

Территориальный принцип, впрочем, являлся у Чижевского лишь исходной платформой (которую можно назвать «философия на/в Украине»), на которой строилось уже более сложное, но и более важное понятие «украинская философия», т.е. делалась попытка выявить особенности философии данной национальности, в которых откроются «глубины национального духа» [40, с. 11]. Надо сразу заметить, что и в этом отношении, в определении ментальных черт украинской философии современные наследники Чижевского ушли гораздо дальше него – по крайней мере, в безапелляционности утверждения этих черт (особенно «кордоцентризма», или «философии сердца») и в категоричности их противопоставления ментальным чертам других национальных традиций, среди которых, как правило, «оппонентом» выбирается русская. Сам Чижевский относился к этому вопросу крайне сдержанно, считая, что выделить такие особенности украинской философии очень сложно, во-первых, потому, что «украинская культурная жизнь не всегда была четко и выразительно отдельной и самостоятельной» (в том числе и в плане языка), во-вторых, потому что «славянской (в частности украинской) философии нужно еще ждать своего “великого философа”», который бы «создал синтез мирового значения» [40, с. 10, 11].

Последнее утверждение определялось еще двумя исходными позициями, на которых стоял Чижевский и которые сегодня разделят далеко не все его преемники. Во-первых, он был категорически против определения в качестве особенности украинской (и славянской вообще) философии ее преимущественно «практический», а не «теоретический» характер, т.е. устремленность на решение каких-то жизненных, социальных проблем. С точки зрения Чижевского, философия есть, прежде всего, чистое теоретическое знание, и ее практическая устремленность может лишь базироваться на теоретическом фундаменте, а не заменять его. Утверждение «практической наклонности» как характеристики национальной философии означает, по его мнению, утверждение фактического отсутствия собственно философии. Понятно, что широко распространенные сегодня штампы относительно сентиментализма, эстетизма, кордоцентризма, антеизма украинской философии и тем более попытки свести ее к обоснованию национальной идеи никак не сочетаются с такой позицией Чижевского. Во-вторых, Чижевский искал не только отличия, но и сходства между украинской и русской, а также другими славянскими философскими традициями, и поэтому позволял себе писать о «славянской» философии как о некоем целом, выступая при этом фундаментальным историком не только украинской, но и русской, и чешской, и словацкой философий. Вот уж что – по крайней мере, в отношении философии русской – современная историография украинской философии в своем подавляющем большинстве сознательно не принимает.

Русская философия в академической науке Украины

Становление и развитие украинской государственности сопровождается институциональным оформлением необходимых атрибутов исторической памяти, среди которых свое место занимает история украинской философии и... теряет история философии русской. В качестве примера такой институционализации обратимся к опыту Института философии Национальной академии наук Украины им. Г.С. Сковороды. В конце 2016 г. Институт отметил свое 70-летие, что стало поводом к своеобразным самоотчетам его отделов, опубликованным в журнале «Філософська думка» (2016. № 6). К историко-философской парадигме непосредственно причастны два подразделения института – Отдел истории философии Украины и Отдел истории зарубежной философии. Понятно, что Отдела истории русской философии в украинском академическом учреждении нет. Но, может быть, русская философия все-таки как-то присутствует в исследовательских разработках названных отделов?

Сразу отметим, что Отдел истории зарубежной философии философией русской не занимается. В поле его исследовательского зрения попадает прежде всего философия западная – как европейская, так и англо-американская [23]. Одно из приоритетных направлений, например, – коммуникативная практическая философия. Здесь сделано немало, особенно в плане перевода на украинский язык современных немецких философов. Есть и интересные переводы с французского – «Бытие и ничто» Ж.-П. Сартра, например. Относительно недавно в Отделе был создан сек-

тор истории восточной философии. Истории русской философии, повторимся, тут нет.

Не приобретя статуса зарубежной, русская философия в украинской академической историографии утратила статус отечественной. Во всяком случае, в исследовательских интересах Отдела истории украинской философии она не фигурирует [17]. Впрочем, есть одно интересное исключение – история философии советской. Действительно, в последние годы советская философия привлекала определенное внимание украинских исследователей – например, в 2009 г. вышел специальный тематический номер того же академического журнала «Філософська думка», посвященный феномену советской философии. В этом отношении, однако, просматриваются две тенденции. С одной стороны, советская философия характеризуется как «філософія-покруч»¹ [22]. А. Лой вкладывает в эту метафору черты неоднородности, несбалансированности и противоречивости советской философии, связывая их с ментальностью советского человека – «совка», – «когда думают про одно, говорят про другое, а делают третье». «Философское сообщество, – продолжает автор, – оказалось бессильным перед малообразованностью, клановостью, непрофессионализмом, nepoтизмом и другими негативными явлениями. Философия, которая не укрепляет основания здравого смысла, вынуждена терять контакт с реальностью, она невольно симулирует его наличие, превращаясь в функциональный “симулякр”» [22, с. 26]. С другой стороны, предметом специального – и отнюдь не критического, а, скорее, апологетического – рассмотрения становится Киевская философская школа, возникающая в 60-х годах прошлого века, т.е. в рамках советской философии, однако как бы автономно, со своими – чисто украинскими – характеристиками, одновременно приближающими ее к философии западной. Выходит интересная картина: «Философия в заточении: диамат и истмат vs красный позитивизм и красный экзистенциализм» (используя название еще одной публикации, представленной в этом номере [12]).

Что такое Киевская философско-мировоззренческая школа? Интересно, что, с одной стороны, ее создание связывается не с этническим украинцем, а с москвичом П.В. Копниным, работавшим десять лет в Киеве, в том числе в 1962–1968 гг. – директором Института философии. В эти немногие годы ему действительно удалось придать определенное ускорение и направление философской мысли в Украине – прежде всего, имеется в виду вектор логико-методологических исследований. С другой стороны, нельзя предать забвению и философскую деятельность в Киевском университете М.Л. Злотиной, уроженки Брянской области, студентки знаменитого МИФЛИ (Московского института философии, литературы и истории), ушедшей добровольцем на фронт и завершившей образование уже на философском факультете МГУ. С 1947 г. Мария Львовна воспитала не одно поколение профессиональных философов. По свидетельству В.Г. Табачковского, «Владимир Илларионович Шинкарук, слушавший ее лекции, часто вспоминал, что в послевоенное время рав-

¹ Согласно словарю украинского языка Б. Гринченка, «покруч» переводится как «ублюдок» или «метис» [39, с. 279].

ных Марии Львовне не было» [29, с. 3], поэтому «не случайно после приезда в Киев незабываемого Павла Васильевича Копнина в 1958 году Мария Львовна сразу же оказывается в круге общения этого интеллектуала и остролова» [29, с. 4]. Свобода злотинского философского инакомыслия, острота ее реакции на какие-либо события или высказывания коллег, предельно честная их оценка были такими, что иногда думается, что сложившиеся формы современного философского процесса в Украине при М.Л. Златиной могли бы быть другими. Авторитет М.Л. Златиной и П.В. Копнина непререкаем до сих пор в кругу современных ученых, помнящих о них.

Из философских 1960-х гг. в Украине вышла целая плеяда оригинальных философов: В.А. Босенко, И.В. Бычко, В.П. Иванов, А.С. Канарский, С.Б. Крымский, М.В. Попович, В.Г. Табачковский, В.И. Шинкарук, А.И. Яценко. Многие из них были известны и в Москве еще в советские времена, и Киев тогда рассматривался как один из философских центров Советского Союза. Другое дело, что в современной российской историко-философской историографии не присутствует понятие «Киевская философская школа», которая характеризуется украинской историографией как неомарксистская, с которой связывается экзистенциально-антропологический поворот и в которой выделяются два направления – «красный позитивизм» и «красный экзистенциализм».

И все-таки, было бы неверно сказать, что русская философия сразу исчезла из академического дискурса в независимой Украине. Если ей не нашлось институционального места, то она более-менее присутствовала в кандидатских и докторских диссертациях, научных статьях и монографиях. Так, в диссертациях по специальности «История философии», защищенных в 1990-е – 2000-е гг., можно встретить в качестве ключевых персоналий В.С. Соловьева, Ф.М. Достоевского, Н.Я. Данилевского, Н.Я. Грота, Л.Н. Гумилева, Н.А. Бердяева, Г.Г. Шпета, Н.О. Лосского, С.Л. Франка, Л. Шестова, А.Ф. Лосева, а также феномен космизма, сборник «Веги» и др. Естественно, при этом все большей популярностью пользовались историко-философские сюжеты и персоналии, которые могли быть уверенно промаркированы в качестве украинских (философия в Киево-Могилянской академии, Т. Шевченко, М. Грушевский, М. Драгоманов, Л. Украинка, И. Франко), или те, которые попадали в то самое «поле пересечения» украинского и русского историко-философского материала (Г.С. Сковорода, П.Д. Юркевич, В.В. Лесевич, Д.И. Чижевский и другие).

Не говоря о научной глубине и новизне конкретных исследований, отметим лишь общие тенденции разрешения вопроса о соотношении понятий «русская» и «украинская» философия. С одной стороны, безусловно, в академической науке Украины можно встретить работы, в которых феномены украинской и русской философии понимаются как взаимосвязанные, во многих своих исторических ипостасях совпадающие, во всяком случае, взаимно обогащающие друг друга. Принципиальной методологической основой подобного подхода является «вынесение за скобки» политических оснований и оценок, особенно в их нынешней, радикальной постановке. В качестве примера можно привести работы

Н. Филиппенко, посвященные исследованию истории киевских философских обществ: в 2009 г. вышла ее монография, посвященная Киевскому религиозно-философскому обществу [31], а в 2021 г. опубликован (правда, уже в Москве) расширенный вариант книги, включающий также историю Киевского научно-философского общества [30]. Еще одним примером является деятельность Научно-исследовательского и образовательного центра имени Г.В. Флоровского в Одессе [9]. До недавнего времени была возможна и разработка общих научных тем академическими институтами Украины и России – так, в 2008–2013 гг. осуществлялись совместные научные проекты НАН Украины и РГНФ в области истории отечественной философии («Философия “Серебряного века” в России и Украине в европейском контексте (новейшие исследования)», «Генезис и пути развития русской и украинской философской мысли»). Стоит упомянуть и об издательском проекте «Антология украинской мысли»¹ [24], в рамках которого на языке оригинала, т.е. на русском, начиная с 2007 г. (особенно интенсивно в 2012–2015 гг.), были переизданы произведения философов, работавших в XIX – начале XX в. в университетах и духовных учебных заведениях Киева, Харькова, Одессы и других городов Украины: А.А. Козлова, А.Н. Гилярова, П.И. Линицкого, В.В. Лесевича, Н.Я. Грота, В.Н. Карпова, П.П. Кудрявцева, И.Г. Михневича, Г.И. Челпанова, Е.В. де Роберти, И.М. Скворцова, П.Д. Лодия, С.С. Гогоцкого, П.С. Авсенева, О.М. Новицкого. Наконец, отдельного рассмотрения заслуживает деятельность Общества русской философии при Украинском философском фонде, о чем далее.

С другой стороны, институциональное «вымывание» русской философии из академического дискурса сопровождалось и сопровождается (особенно интенсивно после 2014 г.) усилением противоположного подхода, в рамках которого проблема соотношения русской и украинской философий формулируется как проблема разделения – по аналогии с политическим дискурсом суверенизации, преодоления «колониального наследия», десоветизации и декоммунизации, формулирования национальной идеи и украинизации, имеющей, в первую очередь, в том числе и в научно-образовательной сфере, форму дерусификации². Реализация этой научной и идейной стратегии сопровождается, во-первых, обоснованием различия и даже противоположности ментальных характеристик украинской и русской философской мысли, причем в характеристиках последней акцент делается на такие моменты, которые ее скорее дискредитируют или ставят под сомнение ее эвристичность («хоровое начало» как подавление индивидуальности, религиозность или публицистичность как

¹ «Антологія української думки».

² Напомним, что с июня 2020 г. вступила в силу статья 22 Закона Украины «Про обеспечение функционирования украинского языка как государственного», согласно которой научные издания публикуются «на государственном языке, на английском и/или других официальных языках Европейского Союза», диссертации пишутся «на государственном языке или английском языке», языком публичных научных мероприятий также может быть только государственный язык и/или английский язык. Русский язык в этих законодательных нормах не присутствует.

ненаучность и т.п.¹). Во-вторых, упомянутое выше «поле пересечения» все более однозначно и даже эмоционально-агрессивно окрашивается в сине-желтые тона². Эти тенденции, эволюционно развивавшиеся в первые два десятилетия украинской независимости, приобрели радикальный характер с началом «горячей» фазы украинско-российских политических отношений – так, можно говорить о фактическом запрете упоминания прилагательного «русский», «русская» (философ, философия) в названиях диссертаций и научных работ, исполняемых в научных и образовательных учреждениях системы Министерства образования и науки Украины; соответственно, были запрещены организованные контакты и совместные проекты с российскими академическими центрами и университетами, не рекомендовано включение в отчеты о научной работе публикаций в российских изданиях и т.п.

Дискуссия о национальной и отечественной философии

Противоположность и несовместимость указанных тенденций можно проиллюстрировать на примере дискуссии вокруг проблемы: «Может ли быть национальная философия точно очерченным исследовательским объектом?», которая была организована в 2014 г. в журнале «Sententiae»³. С одной стороны, обратим внимание на статью С. Иваныка, предложившего свою стратегию развития украинской философии [13]. Все беды украинской философии автор усматривает в односторонних внешних влияниях, и прежде всего – во влиянии русской философии. «Патогенность влияния русской философии на украинскую, состоит не только в его односторонности, но и в том, что, без всякого сомнения, рус-

---

¹ В качестве яркого примера приведем книгу Н.Г. Китова «Русская национальная философия в контексте украинской истории и культуры» [18]. У истоков русской философской традиции автор видит «філософію князівського здириництва» (вымогательства) периода Киевской Руси (со стороны «русских» князей в отношении «автохтонного украинского населения»), а среди характерных черт русской национальной философии особенно подчеркивается ее пронизанность идеями мессианизма, в том числе политического, «апокалиптическое напряжение», «доктринерский радикальный монизм», имперсонализм, «паразитирование» на идее славянского единства, «невроз исключительности» и «глубокий политический паталогизм» [18, с. 387–394].

² В изданном кафедрой истории философии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко в 2005 г. историко-философском словаре [16] было предложено, как один из способов разрешения проблемы «поля пересечения», сразу две статьи о Н. Бердяеве – соответственно, в разделах о русской и об украинской философии (подготовленные соответственно Г.Е. Аляевым и И.В. Бычко). Это, однако, не помешало критикам обвинить редакторов словаря в «причислении к русской философии» Г. Флоровского, Г. Челпанова, Л. Шестова, Г. Шпета, В. Зеньковского и других, т.е. в том, что мы легко «отдаем» другой стране (т.е. России) «своих» (т.е. украинских) философов [34].

³ Этот единственный, по сути, в Украине специальный историко-философский журнал отличается достаточно высокой планкой научных требований к публикуемым материалам (главный редактор – профессор О.И. Хома).

ская философия всегда развивалась (и развивается до сих пор) как философия ненаучная, неаналитическая (или даже антианалитическая), во всех своих проявлениях она всегда выполняла роль “*ancilla ideologiae*” и развивала свою специфику прежде всего в значении определенного мировоззрения, а не в значении науки» [13, с. 135]. Отсюда вывод: сначала «устранение доминирования русского влияния через его уравновешивание другими иностранными влияниями», а потом – полная замена «ненаучной философии» (в разряд которой, между прочим, попадает не только русская как таковая, но и, например, взгляды Г. Сковороды и Т. Шевченко, которым «в новой истории украинской философии может совсем не оказаться места») философией аналитической [13, с. 137].

С такой – и подобными ей – точкой зрения спорить довольно трудно, но не по причине их истинности, а по причине огульности их подхода к отвергаемому предмету. Реальный анализ русской философии в такого рода критике трудно найти – его заменяют как бы уже не требующие доказательств утверждения о ненаучности, метафизичности, идеологичности и прочих «системных» грехах «несистемной» русской философии, ставшей в результате основанием российского тоталитаризма и империализма, а подкрепляются эти утверждения, как правило, хлесткими (и самокритичными по своей сути) цитатами Н. Бердяева.

Понятно, что в случае С. Иванька мы имеем, скорее, не специфически украинский, а специфически *аналитический* вариант критики русской философии. Такая критика сама является односторонней, поскольку базируется на *отождествлении философии и науки* (то ли в виде аналитической философии, то ли в виде феноменологии и т.п.), каковое (отождествление) вовсе не является общепризнанным (и на Западе тоже). С точки зрения такого понимания философии *нефилософами* (или, во всяком случае, *неактуальными*, поскольку *неаналитичными*) являются и Платон, и Августин, и Паскаль, и (как уже замечено) Г. Сковорода, и еще очень многие... да, пожалуй, вся философия сведется тогда к нескольким ныне живущим докторам, цитирующим друг друга в исключительно англоязычных наукометрических журналах.

В рамках этой же дискуссии была опубликована статья Г.Е. Аляева «Двойственность национального сознания как экзистенциал и предмет анализа (опыт В.В. Зеньковского)» [4]. Лейтмотивом статьи, иллюстрированным мыслями Зеньковского из его воспоминаний «Пять месяцев у власти» и примерами его жизненного опыта, было утверждение: «*Отечественной* в Украине является не только философия *украинская* – определенная как таковая то ли по географическому, то ли по ментальному принципу, но и философия *русская* – в той мере, прежде всего, в которой ее носители так или иначе связаны с Украиной, но также и по более широким соображениям – на основании глубокого исторического переплетения духовных судеб и потенциалов русского и украинского народов (их «гениев»), в основе которого – единство религиозной веры» [4, с. 21].

Такая позиция сразу нашла оппонентов, использовавших в дискуссии, впрочем, не столько научную аргументацию, сколько печально известный прием «оярлычивания». Доцент Киево-Могилянской академии И. Лысый написал так: «Геннадий Аляев пытался реанимировать им-

перские в своей основе представления Василия Зеньковского про русско-украинский культурный синкретизм и на этой основе именовать философию украинцев не украинской, а отечественной. Эти попытки выглядят – особенно на фоне постколониальных исследований – не только еще более архаично, по сравнению с попытками применить к культуре древнего мира национальные означающие, но и как гуманитарный курьез» [20, с. 166]. Следствием таких «имперских представлений», засвидетельствованных, по заключению рецензента, данным текстом, является «настойчивое длительное вытеснение из академических исследований национальной проблематики и парадигматики, стремление денационализировать гуманитарную мысль» [20, с. 168]. Можно в связи с этим лишь с сожалением констатировать, что обоснованные Зеньковским концепции двойственности национального сознания и культурного параллелизма, которые могли бы стать подлинным проявлением уникальности и залогом исторической силы украинского народа, находят сегодня все меньше поддержки в украинской академической среде, не говоря уже о политике. Примеры Зеньковского – приглашение читать лекции в украинском университете на русском языке и такое развитие украинской школы, при котором бы «ни одна русская школа не была насильственно закрыта», – представляются сегодня почти утопическими.

Характерно, что в другой статье И. Лысыго был подвергнут критике и тезис С. Иванька относительно исключительного большого влияния русской философии на украинскую. Признавая, что едва ли не большинство нынешних активных участников культурной жизни в Украине формировалось в поле доминирующей русской культуры или «общерусского» культурного процесса, Лысый, однако, утверждал, что удельный вес русской философии и русских культурных влияний стремится к нулю или очень мизерен. Если Иваньк видит главной причиной плохого состояния украинской философии пагубное влияние русской философии на украинскую, то Лысый подчеркивает обратное влияние – начиная от киево-могилянских академиков во главе с Ф. Прокоповичем и С. Яворским и завершая П.Д. Юркевичем, учеником которого был основатель русской религиозно-философской школы В.С. Соловьев. В конце концов, задается автор риторическим вопросом, на кого из известных украинских философов, начиная от автора первого в России многотомного «Философского лексикона» С. Гогоцкого, продолжая В. Лесевичем и А. Потемней и завершая В. Олексюком и М. Поповичем, оказала такое мощное влияние русская философия? [21, с. 172–173]. Для него ответ очевиден – таких украинских философов нет.

Русская философия в учебниках и учебных программах

Следует заметить, что априорно негативное отношение к русской философии, ее отмежевание и противопоставление философии украинской, размывание ее статуса как философии вообще или однозначное определение в терминологии «русской идеи» или идеи «русского мира», враждебного Украине, к сожалению, все основательнее входит не только

в сферу научных дискуссий или расхожего общественного мнения¹, но и в преподавательскую практику. Прежде всего, отметим, что до 2014 г. в учебных программах философских факультетов украинских университетов можно было встретить курсы истории русской философии, а также можно было найти посвященные русской философии разделы в учебниках и учебных пособиях по общей истории философии² (хотя и не всегда³). Правда, содержательное наполнение этих курсов зависело в первую очередь от мировоззренческих установок конкретных преподавателей и в некоторых случаях могло бы вызвать недоумение или даже протест российских историков философии. Для примера приведем основное содержание программы курса «История русской философии» («Історія російської філософії»), который в течение ряда лет читал в Киевском университете им. Тараса Шевченко профессор И.В. Бычко [15, с. 189–194]⁴:

Тема 1. Этно-социальные предпосылки культуросозидающего процесса в России (отметим такие тезисы этой темы: «Владими́ро-Суздальское княжество как первое государственное образование прароссиян, сепаратистская политика этого государства в отношении Киева»; «Изменение духовного вектора прароссийской культуры с окцидентального на ориентальный (XII–XV вв.)»).

Тема 2. Культурный «климат» в Московии в XIV–XVII в. (здесь к случаю приходится Бердяев: «Московия – “безмысленный” и “бессловесный” характер ее культуры как “культуры христианизированного татарского царства” (Бердяев)», «Формирование московского имперского государства» и т.п.).

Тема 3. Возникновение русской («російської») философской мысли в XVIII в. (традиционной тематике от М. Ломоносова до славянофилов и западников предпосылается лейтмотивом тезис со ссылкой на евразийца

¹ В этом особенно преуспел первый Президент Украины Л.М. Кравчук. В своих интервью, записанных в 2015 г., он, например, высказывался так: «Философия России состоит в том, что Украина должна быть только с Россией, а точнее, под Россией. Украины как отдельного государства для них не существует, а существует Украина как часть России, и вся философия России именно на этом построена» [38]. И еще: «Русская философия – это философия агрессии, это философия уничтожения Украины как независимого, самостоятельного государства» [36].

² Так, большие разделы были посвящены русской философии в учебниках истории философии, издававшихся кафедрой истории философии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко в 2002–2010 гг. [14], а также в упомянутом выше словаре «История философии» [16], который вышел в 2012 г. вторым изданием.

³ Тщетно искать, например, русскую философию в историко-философской части в целом довольно приличного учебника «Философия» для высших учебных заведений Е.Н. Причепия, А.М. Черния и Л.А. Чекаля [26].

⁴ В числе составителей данной программы в опубликованном сборнике значится и фамилия одного из авторов данной статьи: Г.Е. Аляев, действительно, вел несколько лет курс «История русской философии» на философском факультете КНУ (на заочном отделении), однако по совсем иной программе.

Н. Трубецкого: «“Освоение” достижений украинской и белорусской культур – “украинизация” русской культуры (Н. Трубецкой)»).

Тема 4. Влияния украинской философской культуры на Россию (здесь: «Киевская школа неогегельянства (П.С. Авсенева, С.С. Гогоцкий, О.М. Новицкий)»; «Влияние на русскую философию экзистенциальной традиции украинской философии (Н. Гоголь)»; «“Философия сердца” П. Юркевича»; «Киевская школа экзистенциальной философии (Н. Бердяев, Л. Шестов, В. Зеньковский)»).

Тема 5. Русская философия второй половины XIX в. (К. Леонтьев, Вл. Соловьев, В. Розанов).

Тема 6. Русская философия конца XIX – начала XX в. (от Н. Федорова до А. Лосева).

Тема 7. Феномен русского марксизма как тоталитарной философии.

Впрочем, как и в сфере академической, в сфере образовательной русская философия в 2014–2015 гг. полностью исчезает из учебных программ. Между тем, за период независимости появилось уже – не сказать необозримое, но достаточное количество учебников и учебных пособий по истории философии украинской. Среди значимых авторов отметим И.В. Бычко и А.К. Бычко, Ю.О. Федя и Н.Г. Мозговую, И.В. Огородника и М.Ю. Русина, И.С. Захару, М.Л. Ткачук, П.М. Кралука.

Классическим учебником истории украинской философии можно считать учебник В.С. Горского, в основе своей созданный на основе курса лекций 1993–1995 гг. и выдержавший несколько переизданий [10]. Можно сразу сказать, что «схема» истории украинской философии (и ее соотношения с философией русской) Горского в основном соответствует «схеме Чижевского». Принципиальным методологическим отличием является введение понятия «двух уровней исследования» украинской философии, а именно – истории профессиональной философской теории в Украине и истории философской культуры украинского народа. В какой-то части, Впрочем, эта идея тоже коррелируется с подходом Чижевского – а именно, с его отличением эпохи «изучения философии» от эпохи собственно «истории философии в Украине», однако акцент ставится на другой аспект. Под философской культурой понимается «совокупность философских идей, которые реально функционировали в границах культуры украинского народа, создавая философско-мировоззренческую основу этой культуры» [10, с. 25]. Надо отдать должное Вилену Сергеевичу, что при этом он не углублялся в мифологические рассказы, где некоторые авторы отыскивают «ярчайшие» перлы этой «философско-мировоззренческой» почвы.

Следуя Чижевскому, Горский начинает исследование «бытия философии в украинской культуре» с Киевской Руси, продолжает периодом XVI–XVIII вв., который в историческом разрезе характеризуется как время «козаччины», а в культурологическом – как период барокко, для истории философии собственно отмеченный началом становления профессиональной философской теории в стенах Киево-Могилянской академии. Вершиной этой эпохи предстает философия Г.С. Сковороды. Третий период истории украинской философии, по Горскому (и тут уже есть существенные разночтения со «схемой» Чижевского), – это XIX и первая

треть XX в. Разночтение состоит прежде всего в общей характеристике: для Горского определяющей чертой философии этого периода является постановка проблемы «человек – нация», что связывается с влиянием романтизма. При этом так же, как и у Чижевского, ключевыми фигурами философии XIX в. являются Гоголь, Юркевич, кирилло-мефодиевские братчики; уделяется внимание академической философии и философии в науке – Потебне, Лесевичу, Кистяковскому, Гилярову и другим. Более значительную роль, однако, играют уже литературно-общественные проекты конца XIX – начала XX в., в которых отслеживаются «философские идеи»: «громадовское» движение и М. Драгоманов; поколение «Молодая Украина» в лице И. Франко и Леси Украинки; историософские концепции М. Грушевского и В. Винниченко; разработка национальной идеи в версиях Д. Донцова, В. Липинского, Ю. Липы, М. Сциборского; национал-коммунизм Н. Срыпника и М. Хвылевого.

Однако далеко не все историки украинской философии удовлетворяются классической схемой, которую мы условно можем теперь назвать «схемой Чижевского – Горского». В качестве примера обратимся к курсу истории украинской философии профессора Острожской академии П.М. Кралюка. Напомним: Острожская славяно-греко-латинская школа, основанная в 1576 г. литовским князем Константином Острожским, была в 1994 г. возрождена как «Острожский коллегиум», а в 1996 г. переименована в академию (получив позднее статус национального университета).

Ключевое понятие историко-философской методологии у Кралюка – «философская традиция», которая понимается как «передача комплекса базовых философских идей как во временном, так и в этнически-территориальном измерениях» [19, с. 26]. Украинская земля, по убеждению автора, занимает уникальное место в развитии философских традиций. Эта уникальность раскрывается в нескольких принципиальных тезисах: 1) Украина имела непосредственное отношение к становлению европейской философской традиции; 2) Украина была причастна к индийской философской традиции; 3) Украина стала территорией, где существовали и сосуществуют разные «малые» философские традиции, среди которых оказываются, между прочим, досократики, древнегреческая классика и философия эллинизма, православно-славянская философская традиция, ренессансная философия и неосхоластика, а также были представлены «чужие» национальные философии, среди которых, наряду с немецкой, польской, еврейской упоминается и русская (религиозная философия конца XIX – начала XX в. и «русифицированный марксизм» [19, с. 29–30]. Что до этих «чужих», то они, по мнению Кралюка, играли двоякую роль: с одной стороны, «знакомили украинцев с новыми философскими идеями, способствовали философской коммуникации»; во взглядах представителей «чужих философских традиций» даже «иногда отражались особенности украинского мировосприятия», что делает возможным «частично рассматривать их философию в украинском культурном контексте» [19, с. 30]; но, с другой стороны, эти традиции «выполняли не только конструктивную, но и деструктивную роль – навязывали украинцам чужие для них символы, идеи, разрушая тем самым их символи-

ческий мир», а потому эти традиции заслуживают «неприятя, “отторжения”, маргинализации» [19, с. 30].

Что же касается собственно украинской философии, то «ее становление и развитие осуществлялось в неблагоприятных условиях колониальной зависимости, когда украинцы не могли создавать институции, в среде которых культивировалась бы философия» [19, с. 30]. Она начала формироваться только в конце XVI в., хотя фактически философская традиция «на украинских землях» прослеживается автором с античных времен. В результате получается следующая схема, совмещающая хронологический и территориальный принципы с принципом «философских традиций»:

1. Античная философия на украинских землях (как претендент на первого философа «из украинских земель» рассматривается легендарный Сальмоксий – Залмоксис, но уже несомненными «философами Украины» выступают Анахарсис, Сфер Боспорский, Бцион Борисфенит, Дион Хризостом и ряд других персонажей).

2. Украинская предфилософия (кроме «философского потенциала украинского фольклора», этот этап презентуют «Велесова книга» и «Повесть временных лет»).

3. Философская мысль Киевской Руси. Православно-славянская философская традиция.

4. Философская культура Украины периода «темных веков» (имеются в виду XIV–XV столетия; между прочим, уделяется внимание распространению в Украине идей исихазма).

5. Западные (гуманистические, реформационные, контрреформационные) влияния на культуру украинских земель в XV–XVII вв. Ренессансная философская мысль в Украине.

6. Острожская академия и проблемы становления украинской философской традиции.

7. Брестская уния и ее влияние на развитие философской мысли на украинских землях.

8. Киев как главный центр украинского философствования XVII–XVIII в. (здесь в центре внимания – философия в Киево-Могилянской академии).

9. Философская мысль в Черниговском культурном центре (Лазарь Баранович, Иоанникий Галятовский и Дмытро Туптало – в России больше известен как святитель Димитрий Ростовский).

10. Философская проблематика в поэзии и исторической беллетристике украинского барокко.

11. Философия Григория Сковороды.

12. Польская философская традиция на украинских землях в конце XVIII – начале XX в.

13. Профессиональная университетская философия на украинских землях в конце XVIII – начале XX в.

14. «Академическая» философия в Украине в XIX – начале XX в. (имеется в виду философия в Киевской духовной академии, центральным представителем которой выступает П. Юркевич).

15. Философия украинского романтизма (Н. Гоголь, Н. Костомаров, П. Кулиш, А. Потебня).

16. Тарас Шевченко как мыслитель.

17. Адаптация идей позитивизма и социализма на украинской почве (вторая половина XIX – начало XX в.) (М. Драгоманов, В. Лесевич, Б. Кистяковский, И. Франко, Л. Украинка, В. Антонович, М. Грушевский).

18. Философия «Киевского круга» (А. Козлов, А. Гиляров, Г. Челпанов, Г. Шпет, Е. Спекторский, Н. Бердяев; особо отметим параграф «Русская религиозная философия в Киеве», в котором упоминаются русские философы, часть профессиональной биографии которых оказалась связанной с Киевом или другими украинскими городами – Е. Трубецкой, П. Тихомиров, С. Булгаков; сюда же попал и В. Зеньковский, хотя он и родился в Украине, – как «типичный представитель малороссийства»).

19. Мусульманская философская мысль на украинских землях.

20. Еврейская философская мысль на украинских землях.

21. Осмысление вызовов XX в. в украинской философской мысли (В. Липинский, идеология украинского национализма, А. Ричинский, Г. Костельник, В. Вернадский, Д. Чижевский, Н. Шлемкевич).

22. Советский марксизм на украинских землях.

23. Философская проблематика в украинской художественной литературе и публицистике XX в. (В. Винниченко, М. Хвылевой, В. Пидмогильный, У. Самчук, В. Стус).

При всей оригинальности, а подчас субъективности (если не сказать – сумбурности) «схемы» Кралука, нельзя не увидеть в ней, как и в заявленном методологическом подходе, общие для господствующей сегодня в украинской историографии черты, в том числе тенденции «неприятия», «отторжения», маргинализации» русской философской традиции с одновременным включением – насколько это только возможно – в украинскую философскую традицию тех персоналий, направлений и сюжетов, которые, как минимум, имеют прямое отношение и к традиции русской философии или вообще принадлежат к ней в первую очередь. К сожалению, на таком пути выстраивания украинского историко-философского процесса даже прямые высказывания самих философов не имеют значения, ибо персоналии не вписываются в те или иные традиции на основе научного анализа их творчества, а приписываются к ним в соответствии с требованиями политического времени и согласно ускоренно созданным на их основе управленческим документам. Вопрос же о том, насколько корректно менять определяемую самим философом собственно его самость, выносится за скобки – такого рода знание перестало быть нужным. Не важно, например, что Н. Бердяев идентифицировал себя недвусмысленно – и в плане национально-культурной принадлежности и в плане идейно-политическом: «Я русский мыслитель и писатель. И мой универсализм, моя вражда к национализму – русская черта» [33, с. 10].

За тридцать лет независимого государства в Украине сформировались собственная историко-философская наука и свой формат историко-философского преподавания, в которых переплетены идеи Д. Чижевского и других представителей украинской эмигрантской историографии, в

том числе откровенно националистической, а также наработки советского периода и новые научные и псевдонаучные достижения. Основным «контентом» украинской историко-философской памяти можно считать сегодня, во-первых, утверждение самостоятельности украинской философии, которая хотя и выводится – в той или иной форме – с конца XVI–XVII в., но в принципе охватывает всю «философскую традицию» на «украинских землях», начиная с Киевской Руси (Велесовой книги? Античности? Триполья? эпохи санскрита? – в зависимости от патриотического экстаза) и до наших дней. Основной интенцией украинской историко-философской историографии – в полном соответствии с интенцией политической – является стремление всячески дистанцироваться от русской философии, которая, особенно в последние годы, полностью вымарана из научно-академического и учебного дискурса. При этом фигурируют разнообразные формы разрешения «неудобных» вопросов относительно многовековой духовной общности или близости наших народов: однозначное зачисление в состав «украинских философов» мыслителей, которые объективно принадлежат обеим культурам или даже связаны с Украиной только фактом рождения или учебы, обоснование схемы происхождения русской философии от украинской («Вл. Соловьев – ученик П. Юркевича»), отыскание принципиальных различий или даже противоречий в ментальных чертах двух народов, что находит свое отражение и в философии, наконец, придание русской философии – как и государству Россия – имперско-колониального статуса.

Общество русской философии в Украине¹

На этом фоне деятельность Общества русской философии в Украине (ОРФ) представляется сегодня скорее исключением, чем правилом.

Идея создания Общества родилась в 1998 г. во время работы философской школы в киевском курортном пригороде Пуца-Водица. Такие философские школы проводились там в течение нескольких лет под эгидой Украинского философского фонда, созданного в 1994 г., в свою очередь, под патронатом фонда «Возрождение». При поддержке Украинского философского фонда в конце 1990-х – начале 2000-х гг. возникло сразу несколько философских обществ, или общественно-научных организаций: Антропологическое, Кантовское, Феноменологическое, Паскалевское (союз исследователей современной философии) общества.

Помнится разговор, состоявшийся между одной из слушательниц школы – Т.Д. Суходуб и одним из преподавателей, которые приглашались, кстати, не только из Киева, но и из России, Германии, Франции (приезжали, например, К.-О. Апель и О. Хеффе) – Э.Ю. Соловьевым: «Вот в следующем году Николаю Александровичу Бердяеву исполняется 125 лет со дня рождения. Боюсь, что никто об этом даже и не вспомнит... А ведь все они – Николай Александрович, как и Густав Густавович, Георгий Иванович, Лев Исаакович, Сергей Николаевич, Василий Василье-

---

¹ В данном разделе частично использован материал нашей статьи, опубликованный в коллективной монографии «Культура украинских философских обществ: ситуация трансформации» [6].

вич, Яков Эммануилович, Евгений Николаевич, Валентин Фердинандович¹ и многие другие – здесь были, рождались, жили, ходили киевскими улицами, мучились “временем перемен”, озадачивались “вечными” философскими вопросами, встречались, дружили, расходились во взглядах, влюблялись... кто-то преподавал в университете, кто-то – в киевских гимназиях, кто-то, как Николай Александрович и Густав Густавович, посидели в печально знаменитой “Лукьяновке”... Но как бы не складывалась их жизнь, Киев – *их* город, пространство их бытия... и это навсегда, этого не пересмотреть». Ответ Эриха Юрьевича, как истинного философа-мудреца, был краток и предельно точен, прозвучав, по смыслу, так: «Хочешь, чтобы помнили, – сделай так, чтоб вспомнили...». Потом, во время прогулки тропинками пушце-озерной рощи, беседа выстраивалась вокруг известного римского выражения о том, что мы там, где мы есть (и *так, как мы есть*), что никто не сделает за другого того, что именно ему суждено и должно... В общем, было над чем призадуматься всерьез.

Сначала возникло желание провести конференцию, посвященную Н.А. Бердяеву. Постепенно вызревала и идея создания философского общества. Осенью 1998 г. усилия эти получили новый импульс. Инициативу поддержали С.Б. Бураго, М.Н. Громов, В.В. Кизима, С.Б. Крымский, Ю.В. Павленко, С.В. Пролев, В.Г. Табачковский. 19 октября состоялось учредительное собрание, на котором присутствовало 16 человек. Предлагалось несколько названий нового философского общества – «Вольная Академия духовной культуры»², «Бердяевское философское общество», «Бердяевское общество русской философии», «Общество русской философии». После дискуссии большинством голосов было утверждено последнее название как такое, что содержательно широко охватывает философскую традицию. Сопредседателями Общества были избраны Т.Д. Суходуб и В.В. Кизима (с 2009 г. сопредседателем вместо В.В. Кизимы, добровольно сложившего свои полномочия, был избран Г.Е. Аляев). Неизменный ученый секретарь Общества – Л.В. Мишакова.

В разработанном инициативной группой положении об ОРФ записано: «Концептуальной основой деятельности Общества является понимание того, что культура жива конкретными людьми, духовная связь между которыми составляет феномен традиции. Этим обуславливается задача организационного объединения исследователей русской культурной традиции в Украине в единый философско-культурологический центр – Общество русской философии... Основные цели Общества – научно-исследовательская, культурно-просветительская, издательская и др. деятельность, направленная на изучение русской философско-культурной традиции, ее связь с украинской и мировой; пропаганда гуманистических ценностей восточнославянской культуры, поддержка развития современной русскоязычной философской и культурной традиции в Украине».

¹ Речь о Н.А. Бердяеве, Г.Г. Шпете, Г.И. Челпанове, Л.И. Шестове, С.Н. Булгакове, В.В. Зеньковском, Я.Э. Голосовкере, Е.Н. Трубецком, В.Ф. Асмусе.

² В память об одноименной организации, работавшей в Москве в 1919–1922 гг.

Хотелось бы подчеркнуть здесь принципиальную позицию, на которой основывается деятельность нашего Общества независимо от того, куда дуют политические ветры. Философские идеи русских мыслителей остаются сегодня еще в значительной степени скрытым богатством, что дает свободу разного рода субъективистским толкованиям мировоззренческого и практического содержания русской философии. Для украинского философского сообщества такая ситуация является крайне опасной и может в конце концов обернуться искажениями в толковании истории украинской философии. Ведь невозможно отрицать факт длительного совместного существования русской и украинской философских традиций в границах единого интеллектуального пространства¹. Не отбрасывая и не преуменьшая ментальных различий украинского и русского мировоззрений, нужно признать, что это длительное совместное существование определило значительное пространство смешения и единения, а также существенные линии тяготения и влияния, без учета которых невозможно адекватно воспроизвести ни российский, ни украинский историко-философский процесс.

Общество существует уже более двадцати лет. За это время проведено более десятка международных научных конференций, несколько «круглых столов», изданы сборники научных работ и коллективные монографии. С 2011 г. работает сайт нашего Общества. Если суммировать проделанную за данный период работу по двум основным направлениям – проведение конференций и издательская деятельность, то конкретные результаты следующие².

Непосредственно нашим Обществом организовано и проведено 16 международных конференций и круглых столов³. В основном они прохо-

---

¹ Впрочем, как оказалось, его вполне возможно либо замалчивать, либо подавать в контексте «колониально-имперского» понимания соотношения украинской и русской истории.

² Здесь следует подчеркнуть, что Общество никогда не имело систематической материально-финансовой поддержки иных организаций (и даже – несмотря на звучное название – Украинского философского фонда, к которому формально «приписано»). В подавляющем большинстве наши конференции и издательские проекты осуществлены на энтузиазме и за собственные деньги самих участников (в качестве редких исключений можно вспомнить поддержку в издании Программы Международных Бердяевских чтений Международным фондом «Відродження» в 1999 г. и сборника статей по результатам этой конференции благотворительной организацией «Центр практической философии» (президент А.В. Толстоухов) в 2003 г., а также участие представительства Росзарубежцентра (Россотрудничества) в Украине в издании четырех наших сборников в 2005–2010 гг. и издание еще одного в 2010 г. при финансовой помощи со стороны Полтавского национального технического университета имени Юрия Кондратюка).

³ Международные Бердяевские чтения (посвященные 125-летию со дня рождения Н.А. Бердяева) (1999); Международная научная конференция «Героизм и подвижничество». Творчество С.Н. Булгакова в современном дискурсе (2001); Научная конференция «Ф.М. Достоевский и канун третьего тысячелетия» (2001); Международная научная конференция «Философия права в России: Отечественная

дили в Киеве, однако были и «выездные»: в 2003 г. конференцию, приуроченную к 170-летию выхода в свет пушкинского «Евгения Онегина», гостеприимно приняла Одесса (Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова). А в 2007, 2011, 2013 и 2015 гг. проводились конференции в Полтаве (на базе Полтавского национального технического университета имени Юрия Кондратюка). Естественно, обязательной составной частью этих встреч была экскурсионная программа – например, в 2011 г. участники побывали не только на поле Полтавской битвы и в Крестовоздвиженском монастыре, но и в Гоголево, Опошне, Диканьке. Был и опыт «заочной» «Интернет-конференции». Интересно, что ее тематика, точнее, главный персонаж – Николай Васильевич Гоголь – особенно заинтересовал польскую аудиторию, результатом чего стало большое интервью одного из авторов этой статьи Г. Аляева корреспонденту Польского радио А. Марчинскому.

Как измерить значимость этих событий – их, формально говоря, «научный уровень»? Можно, конечно, как это делается в отчетах, приводить данные о количестве участников, тематике докладов и т.п. Для примера: в конференции 2011 г. в Полтаве приняли непосредственное участие 82 исследователя (заявок было подано 180), среди которых академик и член-корреспондент НАН Украины, 22 доктора наук и профессора; участники представляли 26 городов и три страны. Конечно, гораздо важнее этих сухих цифр – непосредственная атмосфера общения, дискуссий, подчас достаточно острых, и, конечно, задушевных культурных разговоров.

Были и другие инициативы, которые поддерживало наше Общество. Так, кафедрой философии Национального авиационного университета (г. Киев) под руководством Л.Г. Дротянко в 2005–2007 гг. были проведены три конференции «Философия космизма и современная авиация». Особенно следует отметить неустанный подвижнический труд по пропаганде философии и культуры Серебряного века коллектива кафедры философии Дрогобычского государственного педагогического университета

война 1812 года и развитие российской политической культуры» (2002); «Смысл человека есть он сам». В.С. Соловьев и духовные традиции Серебряного века и современности (на эту тему прошла серия «круглых столов» в 2003 г.); Международная научная конференция «Поэзия в философии – философия в поэзии» (2003); Международные Киевоведческие чтения «Образ города в контексте истории, философии, культуры» (2004); Научно-теоретическая конференция «Становление и развитие классической российской философской традиции: от И.В. Киреевского до Д.Л. Андреева» (2006); Историко-философские чтения «Коллизии синтеза философии и религии в истории отечественной философии (к 180-летию Памфила Юркевича и 130-летию Семена Франка)» (2007); Международная научно-теоретическая конференция «Феномен философской критики в культуре российского Серебряного века» (к 100-летию выхода сборника статей о русской интеллигенции «Вехи») (2009); Историко-философские чтения к 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя (2009); Международная научная конференция «Русская философия: история, методология, жизнь» (2011); две Всеукраинские научные конференции «История философии в отечественной духовной культуре» (2013 и 2015).

имени Ивана Франко (В.С. Мовчан, В.С. Возняк, В.В. Лимонченко). С 2006 г. Общество русской философии выступает соорганизатором проводимых в Дрогобыче конференций, за этот период их прошло двенадцать¹.

Следует отметить, что в последние годы на фоне свертывания и разрыва всяких официальных научных контактов Украины с Россией Общество русской философии в Украине, наоборот, такие контакты расширило. Так, с 2015 г. Общество выступает соорганизатором ежегодных научных конференций под общим названием «Творчество как национальная стихия», проводимых на базе Санкт-Петербургского государственного экономического университета, рассматривая их как одну из редких сегодня площадок для научного общения украинских и российских ученых-гуманитариев [5]. С этого же года Общество является соорганизатором Международных чтений по истории русской философии, которые проводятся Санкт-Петербургским государственным университетом и другими институциями, а ряд членов общества участвует в работе созданного на базе СПбГУ Международного центра изучения русской философии.

Еще одно направление работы, измеримое не только качественно, но и количественно и воплощенное в конкретных, осязаемых вещах – издательская деятельность. Прежде всего, наши усилия были направлены на издание материалов проводившихся конференций. С самого начала была избрана единая форма издания – «Украинский журнал русской философии – Вестник Общества русской философии при Украинском философском фонде». Наш «журнал» не стал периодическим изданием – мы к этому не стремились, но его 12 выпусков сполна отражают содержательную сторону прошедших конференций². Отметим также, что принци-

---

¹ «Российский Серебряный век: рецепция немецкой классической философии» (2006), «Философия Льва Шестова в контексте культуры российского Серебряного века» (2007), «Проблема смысла в философии и культуре российского Серебряного века» (2008), «Проблема субъективности в философии и культуре российского Серебряного века» (2009), «Жизнь в измерениях Абсолюта как проблема философии и культуры русского Серебряного века» (2010), «Дух – душа – тело как проблема философии и культуры русского Серебряного века» (2011), «Эсхатологическая проблематика в философии и культуре русского Серебряного века» (2012); «Творчество П.А. Флоренского в контексте философии и культуры русского Серебряного века» (2012); «Рецепция философии И. Канта в философии и культуре русского Серебряного века» (2014); «Творчество Н.О. Лосского в контексте философии и культуры русского Серебряного века» (2015); «Феномен искусства как проблема философии и культуры Серебряного века» (2017); «Творчество С.С. Аверинцева как ответ философии и культуры русского Серебряного века» (2018).

² *Метаморфози свободи: спадщина Бердяєва у сучасному дискурсі (до 125-річчя з дня народження М.О. Бердяєва): Український часопис російської філософії. Вісник Товариства російської філософії при Українському філософському фонді. Вип. 1. К., 2003. 648 с.; Героїзм і подвижництво. Творчество С.Н. Булгакова в сучасному дискурсі (к 130-літтю со дня народження С.Н. Булгакова). Український журнал російської філософії. Вестник Общества русской философии при Украинском философском фонде. Вип. 2. К., 2005. 407 с.; Філософія права в Росії: Вітчиз-*

альной характеристикой «Вестников» является двуязычность, которую отражают и их титулы; в зависимости от того, на каком языке подавалась большая часть материалов, выходили «Вестники» или «Вісники».

Следующим этапом нашего издательского творчества стала публикация коллективных монографий. Первым опытом была книга «О религиозных философах России и Украины: персонологические очерки», вышедшая в 2010 г. и приуроченная к 75-летию известного историка русской философии, корифея в этой области, профессора Екатеринбургского университета Б.В. Емельянова [25]. В 2013 г. был осуществлен более масштабный проект – коллективная монография «Генезис и пути развития русской и украинской философской мысли», объединившая исследования пятнадцати авторов [8].

Наконец, в 2016 г. была начата серия коллективных монографий под названием «Киевомышление», имеющая целью рассказать о философах, причастных как к русской, так и к украинской (а подчас и к европейской) культуре и объединяемых своим прямым отношением к Киеву.

няна війна 1812 року і розвиток російської політичної культури: Український часопис російської філософії. Вісник Товариства російської філософії при Українському філософському фонді. Українська Академія русистики. К., 2006. 423 с.; Поэзия в философии – философия в поэзии (к 170-летию юбилею полного издания романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин»): Украинский журнал русской философии. Вестник Общества русской философии при Украинском философском фонде. Вып. 4. К., 2008. 492 с.; Ф.М. Достоевский и канун третьего тысячелетия. Становление и развитие классической русской философской традиции: от И.В. Киреевского до Д.Л. Андреева. К., 2010. 357 с. (серия «Украинский журнал русской философии. Вестник Общества русской философии при Украинском философском фонде»; вып. 5–6); Колізії синтезу філософії і релігії в історії вітчизняної філософії (до 180-річчя Памфіла Юркевича та 130-річчя Семена Франка): Український часопис російської філософії. Вісник Товариства російської філософії при Українському філософському фонді. Вип. 7. Полтава, 2007. 636 с.; Феномен философской критики в культуре российского Серебряного века (к 100-летию выхода сборника статей о русской интеллигенции «Вехи»). Полтава, 2009. 472 с. (серия «Украинский журнал русской философии. Вестник Общества русской философии при Украинском философском фонде»; вып. 8); Н.В. Гоголь: духовное измерение жизни и творчества (к 200-летию со дня рождения). Полтава, 2010. 300 с. (серия «Украинский журнал русской философии. Вестник Общества русской философии при Украинском философском фонде»; вып. 9); Русская философия: история, методология, жизнь. Полтава, 2011. 912 с. (серия «Украинский журнал русской философии. Вестник Общества русской философии при Украинском философском фонде»; вып. 10); Історія філософії у вітчизняній духовній культурі. Полтава, 2014. 816 с. (серія «Український часопис російської філософії. Вісник Товариства російської філософії при Українському філософському фонді»; вип. 11); Історія філософії у вітчизняній духовній культурі. Полтава, 2016. 580 с. (серія «Український часопис російської філософії. Вісник Товариства російської філософії при Українському філософському фонді»; вип. 12). По матеріалам одної із конференцій Общества был также издан сборник вне серии: Образ міста в контексті історії, філософії, культури: Києвознавчі читання. К., 2005. 200 с.

Собственно, идея серии возникла как бы «задним числом»; как написала в предисловии ко второй книге один из редакторов (и автор прекрасных обложек) М.Ю. Савельева, после выхода монографии о Льве Шестове «осталось ощущение длящегося начала», исследование оснований мышления выдающегося, известного в мире соотечественника «подводило к мысли о глубинной, бытийной взаимосвязи сознания и этоса – места, где оно впервые себя проявляет». «В результате появилась идея объединить известных философов, культурологов, историков, литераторов по общему для всех признаку – факту рождения в *Киеве*, независимо от того, как долго они здесь прожили. Объединить, чтобы понять, стал ли киевский этос *топосом* – общим основанием их творческих биографий» [27, с. 6]. К моменту написания данной статьи уже изданы шесть книг: о Льве Шестове [3], Максимилиане Волошине [11], Николае Бердяеве [1], Густаве Шпете [32], Якове Голосовкере [28], Михаиле Булгакове [2], и серия, надеемся, будет иметь продолжение¹.

Каковы формообразующие «маркеры» серии? Их три: Киев, философия и философы (в широком смысле этих понятий), русская (опять же, в широком смысле) культура. По всем трем маркерам необходимо некоторое уточнение.

Первое – Киев как место рождения. Здесь как бы все однозначно, хотя вполне могут возникать сомнения – а не слишком ли это формальный критерий? Разве не могут родившиеся в Киеве в силу каких-то причин утратить или вовсе не иметь связи с киевским топосом? Или, наоборот, киевлянами по сути и духу могут стать рожденные в иных местах, но жившие и работавшие в Киеве? Тем не менее, в основу серии положена идея, сформулированная недавно М.Ю. Савельевой в названии ее публичной лекции: «У-местность мышления: малая родина как судьба». Отличительной особенностью некоторых из уже вышедших монографий стали, между прочим, результаты архивных изысканий, раскрывающие до сих пор малоизвестные факты биографий наших героев, связанные с их жизнью в Киеве².

Второе – философы (философия). Уже из имеющегося состава томов ясно, что философия понимается здесь не в узко-школьном, предметном смысле. Речь идет о философии как цельном мышлении о мире, или как мышлении о целостном бытии, что позволяет объединить в серии известных философов, культурологов, историков, литераторов (художников-мыслителей).

---

¹ Монографии презентовались на проходивших в Киеве «круглых столах»: ««Культурное пограничье» Льва Шестова» (2016); «...Мы выносили силу неодолимую любви» (к 140-летию юбилею Максимилиана Волошина) (2017); ««Человек – микрокосм и заключает в себе все»: памяти Н.А. Бердяева» (2018); «Чем должны быть наполнены времена? (к 140-летию со дня рождения Густава Шпета)» (2019); «Есть жизни, которые таят в себе миф...» (к 130-летию со дня рождения Якова Голосовкера) (2020).

² Впрочем, не только с жизнью в Киеве – например, стоит отметить публикацию конспекта «лекций о культуре», читавшихся Н.А. Бердяевым в Религиозно-философской академии в 1920–1930-е гг. [1, с. 331–469].

Третье – русская культура. Она понимается как органичная для Киева XIX – начала XX в., рассматривается в ее внутреннем духовном единстве с культурой украинской, а также во внутренних духовных связях с культурами еврейской, французской, польской. Заметим при этом, что авторами наших монографий уже стали ученые не только Украины, но и России, Польши, Китая, Молдовы, Словакии, Италии, Беларуси, Германии, Франции.

Тематика монографий и докладов, прочитанных на конференциях, настолько многоаспектна, актуальна, сложна, что описать ее компактно не представляется возможным, тем более что книги на то и существуют, чтобы их не описывать, а просто читать. Здесь хочется отметить другое – созданное более двадцати лет назад ученое сообщество стало, по сути, *содружеством* духовно-лично близких людей, соединенных не столько интеллектуальной ниточкой интереса к традиции или той или иной персоне, сколько памятью сердца.

Так, оглядываясь назад, можно восстановить какие-то важные страницы деятельности Общества, а по сути – собственной жизни и жизни других. Вот мы все вместе путешествуем по гоголевским местам Полтавщины – и так нам всем хорошо, что кажется, что вот-вот присоединится к нам если уж не сам Николай Васильевич, то кто-то из его героев. Тогда, возможно, и восстановится, не распадется окончательно «связь времен», тогда, наверняка, не только мы великим Гоголем будем спасаемы и спасены, но и он нами, *помнящими*. Удерживает в душе (и тем поддерживает) общая память сердца и о других дорогих «местах на земле» – Пушкинском гроте и памятнике Поэту, Стеле декабристов и памятниках им и П.И. Чайковскому. Звуки семейного рояля Давыдовых, помнящего руки великого композитора, и слова пушкинского послания другу-декабристу В.Л. Давыдову: «Тебя, Раевских и Орлова, / И память Каменки любя...» и ныне звучат, как представляется, во многих сердцах членов нашего сообщества, или, лучше сказать, братьев по ОРФ. Возможно ли нам только вернуться в тот, уже далекий 2002 г.? И где найти нас тогдашних? Сейчас другая эпоха...

Вспомним для примера круглый стол «Культурное пограничье Льва Шестова», состоявшийся 27 октября 2016 г., а также музыкально-литературно-философский вечер с таким же названием, прошедший в рамках «Международного научно-художественного журнала на сцене “Collegium”» в Доме актера и последовавшую за этими встречами месячную выставку, посвященную памяти философа, в Музее украинской диаспоры (г. Киев). В работе «круглого стола» приняли участие исследователи из Украины, Беларуси, Польши, а семью философа представили внучатые племянницы Льва Исааковича Татьяна Игоревна Балаховская (Россия) и Анна Лоран (Anne Laurent) (Франция), вторую родину философа – исполнительный директор Французского института в Украине Матье-М. Арден (Matthieu-M. Ardin).

По-своему интерпретируя иррациональную философию Льва Шестова, каждый из участников своеобразного Дня памяти философа действительно, как хочется думать, помнил полемику Льва Исааковича с представителями власти, установившейся в Киеве осенью 1919 г. Диалог

этот, по сути, раскрывает укорененную и в современный «жизненный мир» праформу взаимоотношений, скажем так, круга «ученого люда» и круга «властвующих», соответственно – напряженно-проблемное событие культуры философствования и псевдо/лже/культуры властвования. Речь идет о том, что однажды философа пригласили на публичное собрание, председатель которого высказался вполне определенно: *«Революция сметет всех Аристотелей, Платонов и даже Шестовых, если они откажутся предоставить свой талант на службу революции. Им не надо больше думать о том, что сказать. Им это будет указано. С них требуют только их талант. На это Шестов ответил, что эта революция – не первая. Что Аристотель и Платон были уже сметены несколько раз. Несмотря на это, через несколько столетий люди выкапывали то, что осталось от Аристотеля и Платона, и этому поклонялись... Если рабочий приходит ко мне, сказал Шестов, то для того, чтобы узнать, что я имею ему сказать. Он хочет знать, к чему я пришел в моих размышлениях, а не то, что я скажу по повелению свыше»* (курсив наш. – Г.А., Т.С.) [7, с. 164–165].

Так не в этом ли главный смысл деятельности философских сообществ – помнить о «Платонах, Аристотелях и Шестовых», их идеях и жизненных путях и память эту передавать тем, кто будет после нас?..

Выводы

Описанный процесс существования русской философии в Украине, ее нынешнее институциональное положение, фактически отсутствующее место в украинском историко-философском процессе, учебном, научно-просветительском дискурсе, публичном пространстве духовного бытия, конечно, не дает ни малейшего шанса на ее естественное развитие в условиях современной Украины. Даже частичная «приватизация» русской философии в качестве украинской не спасает дело историка русской философии. Последний невозможен по определению, прежде всего в силу «отсутствия» в социокультурном дискурсе феномена и, соответственно, предмета его научных изысканий. Как оказалось, запрет на слова, ставший не так давно одним из популярных технологических инструментов современного управления государством, легко завершился запретом и на научно-познавательную деятельность в области русской культуры и философии. В основе таких решений – ложное «знание», не принимающее в первую очередь исторический подход к анализу процесса становления и развития культуры (в том числе и культуры философствования), фрагментарная историческая память, жестко выверенное идеологическое основание допустимых концептуализаций философского процесса, возможных оценок традиций, персоналий, направлений развития философии.

Желание иметь «чистые» (исключительно украинские) национальные формы и их идеологическое обоснование, сознательная или несознательная сегрегация русской философской традиции могут привести только к одному – ограниченному пониманию и украинской культуры, обеднению содержания современного историко-философского познания, искажению реальной картины становления и развития философии в границах современной Украины.

Творчески продуктивный процесс познания и развития как украинской, так и русской философии и культуры мог бы идти в соответствии с принципом дополнительности, предполагающим согласование концептуальных подходов, истолкование взаимного влияния традиций, выявление особенностей способов философствования, формирующихся в границах единого религиозно-культурно-духовно-интеллектуального пространства. В этом случае работала бы установка на «свое другое» или «другое своего». Пока же философский процесс, как и историко-философский дискурс, движется разрушительно для русской философии в Украине, опираясь на принципиально иное начало: есть «свое» и есть (пока) «чужое». Значит, последнее подлежит искоренению, должно быть предано забвению. Могло ли быть иначе в эпоху постправды, когда знание курсирует наравне с незнанием, а научное исследование подменяется прописанным и предписанным сценарием? Вопрос, конечно, риторический...

Литература

И с с л е д о в а н и я

1. «Великий киевлянин» Николай Бердяев / Ред. М.Ю. Савельева, Т.Д. Суходуб, Г.Е. Аляев / Центр гуманитарного образования Национальной академии наук Украины, Общество русской философии при Украинском философском фонде / Серия «Киевомышление». К.: Изд. дом Дмитрия Бурого, 2018.
2. «Вечный дом» Михаила Булгакова / Ред. М.Ю. Савельева, Т.Д. Суходуб, Г.Е. Аляев / Центр гуманитарного образования Национальной академии наук Украины, Общество русской философии при Украинском философском фонде / Серия «Киевомышление». К.: Изд. дом Дмитрия Бурого, 2021.
3. «Культурное пограничье» Льва Шестова / Ред. Г.Е. Аляев, М.Ю. Савельева, Т.Д. Суходуб / Центр гуманитарного образования Национальной академии наук Украины, Общество русской философии при Украинском философском фонде / Серия «Киевомышление». К.: Изд. дом Дмитрия Бурого, 2016.
4. *Аляев Г.Е.* Двойственность национального сознания как экзистенциал и предмет анализа (опыт В.В. Зеньковского) // *Sententiae*. 2014. № 1 (XXX). С. 7–23.
5. *Аляев Г.Е.* Петербургская конференция о творчестве: взгляд из Полтавы // *Вопросы философии*. 2016. № 3. С. 207–211.
6. *Аляев Г.Е., Суходуб Т.Д.* Философское сообщество как философское содружество (об истории Общества русской философии при Украинском философском фонде) // *Культура украинских философских сообществ: ситуация трансформации* / Ред. Л.Н. Богатая. Одесса: издатель С.Л. Назарчук, 2020. С. 16–26.
7. *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников. I. Paris: La Presse Libre, 1983.
8. Генезис и пути развития русской и украинской философской мысли. Генезис і шляхи розвитку російської та української філософської думки: Монографія / Ред. Г.Е. Аляев, Н.А. Куценко, Т.Д. Суходуб. Полтава: АСМИ, 2013.
9. *Голубович И.В., Петриковская Е.С.* Научно-исследовательский и образовательный центр имени Г.В. Флоровского в Одессе и традиции историко-филологического факультета Императорского Новороссийского университета // *Русская философия: история, методология, жизнь* / Ред. Г.Е. Аляев, Т.Д. Суходуб. Полтава: АСМИ, 2011. С. 881–891.

10. Горський В.С., Кислюк К.В. Історія української філософії: Підручник для студентів вищих навчальних закладів. К.: Либідь, 2004.
11. Гражданин мира Максимилиан Волошин / Ред. М.Ю. Савельева, Г.Е. Аляев, Т.Д. Суходуб / Центр гуманитарного образования Национальной академии наук Украины, Общество русской философии при Украинском философском фонде / Серия «Киевомышление». К.: Изд. дом Дмитрия Бурого, 2017.
12. Гусев В. Ув'язнена філософія: діамат та істмат vs червоний позитивізм та червоний екзистенціалізм // Філософська думка. 2009. № 3. С. 16–20.
13. Іваник С. Що таке польська філософія й що вона може дати українській філософії? // Sententiae. 2015. № 1 (XXXII). С. 128–142.
14. Історія філософії: Підручник / Ред. В.І. Ярошовець. К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2010.
15. Історія філософії: Програма / Ред. В.І. Ярошовець. К.: Сузір'я, 2008.
16. Історія філософії: Словник / Ред. В.І. Ярошовець. К.: Знання України, 2005.
17. Йосипенко С. Відділ історії філософії України: від філософів Давньої України до сьогодення // Філософська думка. 2016. № 6. С. 34–37.
18. Кітов М.Г. Руська національна філософія в контексті української історії та культури: Монографія. К.: ПАРАПАН, 2008.
19. Кралюк П.М. Історія філософії України: Підручник. К.: КНТ, 2015.
20. Лисий І. Проблемність національно-культурної ідентифікації української філософії (за матеріалами XXX тому Sententiae) // Sententiae. 2015. № 1 (XXXII). С. 165–172.
21. Лисий І. Чому тільки аналітика? // Sententiae. 2015. № 2 (XXXIII). С. 166–176.
22. Лой А. «Філософія-покруч» // Філософська думка. 2009. № 3. С. 25–28.
23. Лях В. Відділ історії зарубіжної філософії: здобутки і перспективи // Філософська думка. 2016. № 6. С. 38–44.
24. Мозгова Н.Г., Матюшко Б.К. Від першого ювілею і до сьогодні (здобутки одного видавничого проекту) // Історія філософії у вітчизняній духовній культурі / Ред. Г. Аляев, Т. Суходуб. Полтава: ООО «АСМІ», 2016. С. 534–554.
25. Аляев Г.Е., Емельянов Б.В., Мозговая Н.Г., Суходуб Т.Д. О религиозных философах России и Украины: персоналогические очерки. Полтава: АСМІ, 2010.
26. Причепій Є.М., Черній А.М., Чекаль Л.А. Філософія: Підручник для студентів вищих навчальних закладів. К.: Академвидав, 2005.
27. Савельева М.Ю. Здесь вся земля от века сведена... Вместо предисловия // Гражданин мира Максимилиан Волошин / Ред. М.Ю. Савельева, Г.Е. Аляев, Т.Д. Суходуб. К.: Изд. дом Дмитрия Бурого, 2017. С. 5–12.
28. Степени жизни Якова Голосовкера / Ред. М.Ю. Савельева, Т.Д. Суходуб, Г.Е. Аляев / Центр гуманитарного образования Национальной академии наук Украины, Общество русской философии при Украинском философском фонде / Серия «Киевомышление». К.: Изд. дом Дмитрия Бурого, 2020.
29. Табачковский В.Г. Вступительное слово // Злотина М.Л. Диалектика. К.: ПАРАПАН, 2008. С. 3–5.
30. Филиппенко Н. Киевские философские общества начала XX века. М.: Модест Колеров, 2021.
31. Филиппенко Н.Г. Киевское Религиозно-философское общество (1908–1919). Очерк истории. Монография. К.: ПАРАПАН, 2009.
32. Философское самоопределение Густава Шпета / Ред. М.Ю. Савельева, Т.Д. Суходуб, Г.Е. Аляев / Центр гуманитарного образования Национальной академии

наук Украины, Общество русской философии при Украинском философском фонде / Серия «Киевомышление». К.: Изд. дом Дмитрия Бурого, 2019.

Источники

33. Бердяев Н. Самопознание: Опыт философской автобиографии. Париж: YMCA-PRESS, 1983.
34. Бойко А. И кто же эти другие? // Зеркало недели. Международный общественно-политический еженедельник. 2005. № 46. 26 нояб. – 2 дек.
35. В. З[аїкін]. Українська філософія // Дмитро Іванович Чижевський і його сучасники. Листи, спогади / Упоряд.: І. Валявко, О. Чуднов, В. Янцен. Кіровоград: Імекс-ЛТД, 2013. С. 491–508.
36. Кравчук підганяє Порошенка щодо референдуму про вступ до НАТО // Сайт Радіо Свобода. URL: <http://www.radiosvoboda.org/content/article/27268305.html>.
37. Крыжановский В. «Российская демократия заканчивается на украинском вопросе» // Столица. 1992. № 36 (94). С. 11–12.
38. Леонід Кравчук: Росія – ворог номер один для України // Сайт Радіо Свобода. URL: <http://www.radiosvoboda.org/content/article/27573638.html>.
39. Словник української мови / Упор. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко. В 4 т. Т. 3. К.: АН УРСР, 1958.
40. Чижевський Дм. Нариси з історії філософії на Україні // Чижевський Дм. Філософські твори. У 4 т. Т. 1. К.: Смолоскип, 2005. С. 1–162.

Aliaiev, Gennadii E., & Sukhodub, Tatyana D. *History of Russian philosophy in Ukraine*

References

1. Savelieva, M.Yu., Sukhodub, T.D., and Aliaiev, G.E. (eds.) (2018), “*Velikiy kievlyanin*” *Nikolay Berdyaev* [Great Kievite Nikolai Berdyaev], Publishing House of Dmitriy Burago, Kiev.
2. Savelieva, M.Yu., Sukhodub, T.D., and Aliaiev, G.E. (eds.) (2021), “*Vechnyy dom*” *Mikhaila Bulgakova* [“The eternal house” of Mikhail Bulgakov], Publishing House of Dmitriy Burago, Kiev.
3. Aliaiev, G.E., Savelieva, M.Yu., and Sukhodub, T.D. (eds.) (2016), “*Kulturnoe pogranchye*” *Lva Shestova* [Cultural frontier of Lev Shestov], Publishing House of Dmitriy Burago, Kiev.
4. Aliaiev, G.E. (2014), *Dvoystvennost’ natsional’nogo soznaniya kak ekzistentsial’nyy predmet analiza (opyt V.V. Zen’kovskogo)* [The duality of national consciousness as an existential and a subject of analysis (the experience of V.V. Zenkovsky)], in: *Sententiae*, no. 1 (XXX), pp. 7–23.
5. Aliaiev, G.E. (2016), *Peterburgskaya konferentsiya o tvorchestve: vzglyad iz Poltavu* [Petersburg conference on creativity: a view from Poltava], in: *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], no. 3, pp. 207–211.
6. Aliaiev, G.E., and Sukhodub, T.D. (2020), *Filosofskoe soobshchestvo kak filosofskoe sodruzhestvo (ob istorii Obschestva russkoy filosofii pri Ukrainskom filosofskom fonde)* [Philosophical association as a philosophical community (on the history of the Society of Russian Philosophy at the Ukrainian Philosophical Fund)], in: Boga-

- taya, L.N. (ed.), *Kul'tura ukrainskikh filosofskikh soobshchestv: situatsiya transformatsii* [Culture of Ukrainian philosophical associations: the situation of transformation], Publishing House of S.L. Nazarchuk, Odessa, pp. 16–26.
7. Baranova-Shestova, N. (1983), *Zhizn' Lva Shestova. Po perepiske i vospominaniyam sovremennikov. I* [The life of Lev Shestov. According to the correspondence and memoirs of contemporaries. I], La Presse Libre, Paris.
  8. Aliaiev, G.E., Kutsenko, N.A., and Sukhodub, T.D. (eds.) (2013), *Genезis i puti razvitiya russkoy i ukrainskoy filosofskoy mysli. Genезis i shlyakhy rozvytku rossiyskoyi ta ukrayinskoyi dumky* [Genesis and ways of development of Russian and Ukrainian thought], ASMI, Poltava.
  9. Golubovich, I.V., and Petrikovskaya, E.S. (2011), *Nauchno-issledovatel'skiy i obrazovatel'nyy tsentr imeni G.V. Florovskogo v Odesse i traditsii istoriko-filologicheskogo fakul'teta Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta* [Research and Educational Center named after G.V. Florovsky in Odessa and the traditions of the Faculty of History and Philology of the Imperial Novorossiysk University], in: Aliaiev, G.E., and Sukhodub, T.D. (eds.), *Russkaya filosofiya: istoriya, metodologiya, zhizn'* [Russian philosophy: history, methodology, life], ASMI, Poltava pp. 881–891.
  10. Gorsky, V.S., and Kyslyuk, K.V. (2004), *Istoriya ukrayins'koyi filosofii* [History of Ukrainian Philosophy], Lubid', Kiev.
  11. Savelieva, M.Yu., Aliaiev, G.E., and Sukhodub, T.D. (eds.) (2017), *Grazhdanin mira Maksimilian Voloshin* [World citizen Maximilian Voloshin], Publishing House of Dmitriy Burago, Kiev.
  12. Gusev, V. (2009), *Uvyaznena filosofiya: diamat ta istmat vs chervonnyy pozytyvizm ta chervonnyy ekzystentsializm* [Imprisoned philosophy: dialectical materialism and historical materialism vs. red positivism and red existentialism], in: *Filosofs'ka dumka* [Philosophical Thought], no. 3, pp. 16–20.
  13. Ivanyk, S. (2015), *Shcho take pol's'ka filosofiya j shcho vona mozhe daty ukrayins'koyi filosofii?* [What is Polish philosophy and what can it give to Ukrainian philosophy?], in: *Sententiae*, no. 1 (XXXII), pp. 128–142.
  14. Yaroshovets, V.I. (ed.) (2010), *Istoriya filosofii: Pidruchnyk* [History of philosophy: Textbook], Publishing Centre “Kiev university”, Kiev.
  15. Yaroshovets, V.I. (ed.) (2008), *Istoriya filosofii: Programa* [History of philosophy: Program], Suzirya, Kiev.
  16. Yaroshovets, V.I. (ed.) (2005), *Istoriya filosofii: Slovnyk* [History of philosophy: Dictionary], Znannya Ukrayiny, Kiev.
  17. Yosypenko, S. (2016), *Viddil istorii filosofii Ukrayiny: vid filosofiv Davnyoyi Ukrayiny do syogodennya* [Department of History of Philosophy of Ukraine: from philosophers of Ancient Ukraine to the present], in: *Filosofs'ka dumka* [Philosophical Thought], no. 6, pp. 34–37.
  18. Kitov, M.G. (2008), *Rus'ka natsional'na filosofiya v konteksti ukrayins'koyi istorii ta kultury* [Russian national philosophy in the context of Ukrainian history and culture], PARAPAN, Kiev.
  19. Kralyuk, P.M. (2015), *Istoriya filosofii Ukrayiny: Pidruchnyk* [History of Ukrainian philosophy: Textbook], KNT, Kiev.
  20. Lysyy, I. (2015), *Problemnist' natsional'no-kul'turnoyi identyfikatsii ukrayins'koyi filosofii* [Problems of national and cultural identification of Ukrainian philosophy], in: *Sententiae*, no. 1 (XXXII), pp. 165–172.

21. Lysyy, I. (2015), *Chomu til'ky analityka?* [Why only analytics?], in: *Sententiae*, no. 2 (XXXIII), pp. 166–176.
22. Loy, A. (2009), “*Filosofija-pokruch*” [Philosophy-bastard], in: *Filosofs'ka dumka* [Philosophical Thought], no. 3, pp. 25–28.
23. Lyakh, V. (2016), *Viddil istorii zarubizhnoyi filosofii: zdobutky i perspektyvy* [Department of History of Foreign Philosophy: achievements and prospects], in: *Filosofs'ka dumka* [Philosophical Thought], no. 6, pp. 38–44.
24. Mozgova, N.G., and Matyushko, B.K. (2016), *Vid pershogo yuvileyu i do syogodni (zdobutky odnogo vydavnychogo projektu)* [From the first anniversary to the present day (achievements of one publishing project)], in: Aliaiev, G.E., and Sukhodub, T.D. (eds.) *Istoriya filosofii u vitchyznyaniy dukhovniy kul'turi* [History of philosophy in the national spiritual culture], ASMI, Poltava, pp. 534–554.
25. Aliaiev, G.E., Yemelyanov, B.V., Mozgovaya, N.G., and Sukhodub, T.D. (2010), *O religioznykh filosofakh Rossii i Ukrainy: personologicheskie ocherki* [On the religious philosophers of Russia and Ukraine: personological essays], ASMI, Poltava.
26. Prychepiy, Ye.M., Cherniy, A.M., and Chekal, L.A. (2005), *Filosofija: Pidruchnyk dlya studentiv vyshchyykh navchal'nykh zakladiv* [Philosophy: Textbook for students of higher educational institutions], Akademvydav, Kiev.
27. Savelieva, M.Yu. (2017), *Zdes' vsya zemlya ot veka svedena... Vmesto predisloviya* [Here, the whole earth has been brought together from ages past... Instead of a preface], in: Savelieva, M.Yu., Aliaiev, G.E., and Sukhodub, T.D. (eds.), *Grazhdanin mira Maksimilian Voloshin* [World citizen Maksimilian Voloshin], Publishing House of Dmitriy Burago, Kiev, pp. 5–12.
28. Savelieva, M.Yu., Sukhodub, T.D., and Aliaiev, G.E. (eds.) (2020), *Stepeni zhizni Yakova Golosovkera* [The degrees of life of Yakov Golosovker], Publishing House of Dmitriy Burago, Kiev.
29. Tabachkovskiy, V.G. (2008), *Vstupitel'noe slovo* [Introduction], in: Zlotina, M.L. *Dialektika* [Dialectics], PARAPAN, Kiev, pp. 3–5.
30. Filippenko, N. (2021), *Kievskie filosofskie obshchestva nachala 20 veka* [Kiev philosophical societies of the early twentieth century], Modest Kolerov, Moscow.
31. Filippenko, N.G. (2009), *Kievskoe Religiozno-filosofskoe obshchestvo (1908–1919)* [Kiev Religious and Philosophical Society], PARAPAN, Kiev.
32. Savelieva, M.Yu., Sukhodub, T.D., and Aliaiev, G.E. (eds.) (2019), *Filosofskoe samoopredelenie Gustava Shpeta* [Philosophical self-definition of Gustav Shpet], Publishing House of Dmitriy Burago, Kiev.